

Единодушіе въ арміи обезпечиваетъ и единодушіе
въ полкахъ, но не наоборотъ.

Въ «Не надо разрушать, не приготовивъ — чѣмъ замѣнить»¹⁾ уже отсутствуетъ обычный для ея автора спокойный, выдержанный тонъ спора по существу предмета, тонъ—какъ бы научнаго диспута и неразрывная съ такимъ тономъ снисходительность къ чужому взгляду на факторы и тормазы развитія въ арміи единства, солидарности и вообще нравственной мощи.

Въ тонѣ этой статьи слышатся гнѣвливыя нотки за мою строптивость въ отрицаніи нашего спасенія, «разнообразіемъ полковыхъ традицій» и въ ней, пожалуй, больше характеристики, критики и эпитетовъ оппонируемой статьи, чѣмъ доказательствъ фактическаго существованія и опредѣленнаго благотворнаго вліянія «разнообразія полковыхъ традицій» на воспитаніе *арміи*.

Однако, несмотря на тяжелое обвиненіе меня въ «пропагандѣ

¹⁾ № 6 «Военнаго Сборника».

теоріи», которую авторъ «продолжаетъ считать вредной», я искренно и сильно обрадовался возобновенію полемики на счетъ традицій, о которыхъ будто бы сказано было со стороны моего высокопочитаемаго оппонента «все, что можно и нужно было сказать», но которыхъ до сихъ поръ никто не только не опредѣлилъ, не пояснилъ и не назвалъ хотя въ общихъ чертахъ, но которыхъ никто повидимому и не можетъ назвать и перечислить. Никто не сказалъ и не можетъ сказать—какія, такія боевыя или хотя бы мирныя традиціи его полка, чѣмъ эта традиція отличается отъ традиціи другого полка, чѣмъ она благотворна и почему она достойна сохраненія. Правда, приводились примѣры отдѣльныхъ историческихъ подвиговъ, которые называли традиціями полка, несмотря на то, что подвигъ для полка иногда оказывался уникаюю всей «его» исторіи... но вѣдь этакъ придется назвать традиціями и дѣла, и отличія Суворова, Наполеона и др. Тѣмъ не менѣе о полковыхъ традиціяхъ всѣ трактуютъ какъ о какой то несомнѣнно существующей ясно всѣмъ видимой вещи и даже, какъ изволилъ выразиться авторъ—какъ объ извѣстномъ «испытанномъ *средствѣ воспитанія*» 2).

Теперь я конечно не могу скрыть своей радости, когда мою «теорію», которую мой оппонентъ счтаетъ «вредною», онъ самъ подтвердилъ всей своей статьей, характерными примѣрами, обрисовавъ и этику *обособленности* полковыхъ традицій, и ихъ искусственность (доказательство—приведу изъ разбираемой статьи), и въ то же время—отсутствіе у всѣхъ опредѣленнаго о нихъ представленія. Статья автора—если и оппозиція, то оппозиція просто поднятому мною вопросу, а не «моей теоріи» (хотя это не теорія, а показаніе того, что происходитъ и какія отъ этого послѣдствія), великолѣпнѣйшая къ ней иллюстрація и—какъ это ни неожиданно—злѣйшая иронія надъ особыми, т.-е. сверхчеловѣческими для воспитанія и жизни всей арміи полковому традиціями... Хотѣлось бы сразу пачать съ этой ироніи, но необходимо для послѣдовательности начать разборъ съ начала возраженія.

Прежде всего авторъ недоумѣваетъ — почему «полкъ есть искусственная единица, не могущая уподобляться семьѣ, арміи народу», но допуская, что полкъ есть «нѣчто искусственное»,—находитъ нелогичнымъ «стараніе доказать», что въ полку «все таки должны сказываться только общія всей арміи, всему на-

2) Курсивъ автора.

роду традицій». Кромѣ того, мнѣ сдѣланъ упрекъ, что я будто бы ничего не сказалъ въ подтвержденіе своего выше процитированнаго «утвержденія».

Я думаю, что все это было бы понятно, логично и не требовало бы доказательствъ въ подтвержденіе, если бы только мои слова: «искусственная единица» — не метаморфизировались у моего оппонента въ «нѣчто искусственное». Потому, что искусственность полка, какъ единицы, да еще поясненная у меня дальше напоминаніемъ, что сегодня полкъ, завтра когорта или легіонъ или еще какъ нибудь, — какъ очевидная аксіома, не требуетъ доказательствъ и большихъ поясненій, какъ не требуетъ поясненій, что колосъ съ зернами ржи (семья), ржаное поле (народъ) — естественно создавшіяся сложныя единицы; ясно и то, что искусственно собранныя кули или четвернки уподобляться естественному колосу или ржаному полю (народъ) — не могутъ; и еще ясно, что несмотря на невозможность уподобленія куля съ зерномъ колосу или всей ржаной нивѣ, такъ сказать — передача наследственныхъ качествъ (адля живыхъ существъ и «традицій») совершается не въ куляхъ, а въ колосѣ или въ нивѣ. Вообще мнѣ кажется такъ же странно доказывать невозможность уподоблять легіонъ или полкъ, семьѣ или народу или даже арміи, какъ странно было бы доказывать такую невозможность уподобленія сажени дровъ — дереву, или лѣсу, или забору. *И совершенно логично и естественно*, что часть живого организма не можетъ уподобляться цѣлому (напр. организму), но питается и взращивается одними и тѣми же соками, а не «обособленными». Впрочемъ мой высокопочитаемый оппонентъ своими собственными словами доказываетъ, что полкъ — искусственная единица, но что въ силу предвзятости или неопредѣленныхъ цѣлей эту искусственную единицу стараются уподобить семьѣ: «Во всѣхъ арміяхъ, всегда, вездѣ и всѣми *старались и стараются* ³⁾ *внѣдрить, воспитать сознаніе*, что полкъ — это одна семья»...

Уже одно то, что «стараются внѣдрить, воспитать» такое сознаніе, показываетъ искусственность такого уподобленія, такъ какъ все нормальное, естественно-существующее само появляется въ сознаніи и «внѣдрять» его не нужно, такъ напр. сознаніе о братьяхъ, друзьяхъ, товарищахъ, сестрахъ, возлюбленныхъ — не можетъ быть внѣдряемо и воспитываемо, — оно является само, и никакими силами не внѣдрить въ сознаніе, что возлюбленная —

³⁾ Курсивъ мой.

одно и то же, что сестра или что она полюбна сестрѣ, матери, а сослуживецъ—отецъ, братъ.

Да и *стараніе* о внѣдреніи сознанія—явно тщетно, если только такое внѣдреніе, вѣрнѣе было бы сказать—внушеніе, производится не подъ гипнозомъ, подъ которымъ, какъ извѣстно, можно «внѣдрить въ сознаніе» что угодно, не исключая сверхъестественнаго.

Впрочемъ мнѣ кажется, что такія старанія о «внѣдреніи, воспитаніи въ сознаніе» чего либо, не совсѣмъ согласнаго съ нормальнымъ положеніемъ вещей, являются далеко не повсемѣстными и «не всегда». Мнѣ кажется, что это только нѣкоторые считаютъ нужнымъ и возможнымъ «внѣдрять въ сознаніе»—считаютъ возможнымъ *приказать понимать* не такъ, какъ есть на самомъ дѣлѣ, а такъ, какъ этого хочется или нравится или считается полезнымъ. Въ другихъ же мѣстахъ, да и прежде—вмѣсто того, чтобы «внѣдрять въ сознаніе», что напр., полкъ есть семья, учили такъ: конечно полкъ не семья, но ты смотри на полкъ, какъ на семью, т.-е. поступай съ сослуживцами, какъ со своими семейными, съ братьями («Зри въ части—семью, въ начальникѣ—отца» и т. д.); то есть старались не понятіе о полку уподобить семьѣ, не приказывали понимать подъ полкомъ—семью, что конечно неестественно, а старались *отношенія* между сослуживцами уподобить семейнымъ, что называется воспитаніемъ чувства долга къ товарищамъ; и что возможно.

Но вѣдь мы видимъ, что теперь объ этомъ не только не стараются, а напротивъ—начинаютъ преслѣдовать. Теперь въ охраненіе жупельнаго фетиша—«чинопочитаніе» стараются установить самыя формально-официальныя отношенія (даже въ развлеченіяхъ) и «въ части зрять» не семью, а... средство для пропитанія подлинной семьи или для удовлетворенія честолюбія, тщеславія. Гдѣ такіе простаки, которые бы повѣрили, что самый преданный и привязанный къ полку откажется отъ повышенія ради того, чтобы послужить интересамъ полка или ради только того, чтобы не разставаться съ «одной семьей».

Къ чему эти ходули и паоосъ о полку—семьѣ? Не лучше ли и не проще идти обыкновеннымъ способомъ, предоставивъ свободно развиваться чувству долга, чувству общей солидарности въ арміи и воспитывая лишь то чувство, которое дается только и именно воспитаніемъ (а не природою), какъ напр. *чувство долга*, чувство чести и т. п.

Мы теперь подошли къ самому интересному мѣсту оппозиціи моимъ взглядамъ, гдѣ подъ внѣшностью защиты уподобленія и обособленія полка въ семью скрывается иронія или сарказмъ на счетъ этики защиты понятія: «полкъ—семья» отъ вредной теоріи—не допущенія въ единой арміи выдѣленія полковъ въ обособленные, самостоятельныя семьи по воспитательнымъ принципамъ и традиціямъ. «Поэтому то въ полкахъ»—заявляетъ мой оппонентъ—«гдѣ такое сознание» (т.-е. выдѣренное, что «полкъ—это одна семья») «есть, гдѣ такъ смотрять на дѣло, ухаживаніе, на примѣръ, за женою товарища по полку, а тѣмъ болѣе связь съ нею, считается недопустимымъ, несомѣстнымъ съ достоинствомъ *семьи*, въ высшей степени безнравственнымъ и такой офицеръ неукоснительно удаляется изъ полка.

Но уничтожьте понятіе: полкъ—семья, и въ такомъ полку нечего удалять такого офицера, не болѣе, какъ за связь съ любой посторонней женщиной, что не считается предосудительнымъ для чести мундира»...

Вотъ она—этика, нравственная прелесть особыхъ полковыхъ традицій и стремленія обособить полки въ особые удѣлы со своей исторіей и прочими призмами автономности! «Въ высшей степени безнравственно»—ухаживаніе лишь за женой товарища по полку, «а тѣмъ болѣе связь съ нею», связь же съ посторонней женщиной, къ числу которыхъ относятся и жены *товарищей по арміи*,—«не считается предосудительнымъ для чести мундира»...

Можно ли еще хуже охарактеризовать и злѣе насмѣяться надъ уродливостью воспитанія офицеровъ въ подобныхъ полковыхъ традиціяхъ и принципахъ, различающихъ нравственность лишь въ предѣлахъ полка!... Тогда начнетъ считаться доблестнымъ для пользы полка даже покривить душой, оттянуть отъ казны...

Конечно этимъ и объясняется полное отсутствіе солидарности и товарищества среди корпораціи офицеровъ нашей арміи... Ибо товарищемъ считается,—какъ это и наблюдается и о чемъ я и говорилъ,—только полковой товарищъ, и только съ полковымъ товарищемъ можно быть солидарнымъ во взглядахъ, чувствахъ, въ вопросахъ чести и нравственности.

Но видно, что мы не только не усвоили себѣ, но просто не знаемъ или нарочно игнорируемъ новѣйшія требованія современнаго боя, которыя понятны на западѣ и нашли своего выразителя въ Арданъ-дю-Пикъѣ: «...Итакъ, *только солидарность можетъ создавать бойцовъ*»—говоритъ онъ—«...современный бой требуетъ

большей моральной связи и болѣе тѣсной, чѣмъ когда либо сплоченности бойцовъ... Четверо храбрыхъ, не спѣвшихся между собой людей, не пойдутъ открыто въ атаку на льва; четверо менѣе храбрыхъ, но хорошо спѣвшихся другъ съ другомъ, увѣренныхъ въ своей солидарности и, слѣдовательно, во взаимной поддержкѣ, рѣшительно пойдутъ на него. *Въ этомъ и заключается вся суть организаціи любой арміи...*»⁴⁾.

Да, именно въ этомъ суть и почему сторонники обособленія полковъ не хотятъ пожертвовать своимъ узкимъ эгоизмомъ и тщеславіемъ — «службы въ N-мъ» полку — этимъ новѣйшимъ требованіямъ современнаго боя; — почему не хотятъ признать безусловной необходимости полной солидарности всѣхъ частей, всѣхъ членовъ арміи, солидарности, невозможной при мѣстничествѣ частей войскъ и чванствѣ нѣкоторыхъ надъ остальными — несомнѣнно и безспорно равными и одинаковыми частями во всѣхъ отношеніяхъ; почему не хотятъ выйти изъ очарованія прошлаго (очарованія, приличнаго только старости и слабости) и для жизни, дѣла — повернуться кругомъ и посмотреть впередъ — въ будущее?.. Очнувшись отъ этого историческаго очарованія и трезво, широко окинувъ горизонтъ, они не могли бы не замѣтить — къ чему привело возродившееся мѣстничество частей войскъ.

Въ мирное время, конечно, возможно игнорировать неудовольствіе и справедливую зависть большей массы войскъ къ привилегированнымъ полкамъ, доказывая ихъ мнимое преимущественное право на общіхъ предковъ, на общія традиціи и т. д. Въ мирное время даже почему-то хотятъ скрыть это неудовольство, отмахнуться отъ него, воображая, что такимъ скрываніемъ не обнаружится въ бою отсутствіе солидарности между войсковыми частями, отсутствіе сплоченности, моральной связи... Въ мирное время, конечно, можно не замѣтить узости взгляда — «полковаго товарищества, полковой солидарности, полковыхъ интересовъ, сравнительно съ такими — всеармейскими». Вѣдь противъ меня возстали всѣ полковые историки. А за что? За то, что я сталъ говорить о необходимости расширить свой кругозоръ на величину всей арміи, а не служивать его интересами полка или двухъ, трехъ полковъ; что я кричу о грозномъ,

⁴⁾ Генералу Мерсье, удалось прекрасно выразиться: *«чувство солидарности взаимнаго довѣрія и обоюднаго согласія... развиваетъ военный духъ, необходимый арміи и необходимый нынѣ»...*

А у насъ оскорбляются за проповѣдь солидарности полковъ... 200-лѣтнихъ или 10-лѣтней «гарнизны»...

не воображаемомъ, а бросающемся въ глаза фактъ удѣльной розни между частями войскъ нашей великой арміи; розни, имѣющей только одно свое объясненіе—въ неоправдываемыхъ претензіяхъ нѣкоторыхъ на первенство, на преимущество передъ остальными товарищами. Вѣдь очевидно же, что на войнѣ, да и всегда въ жизни для настоящаго дѣла имѣетъ значеніе доблесть и достоинства не предшественниковъ (именуемыхъ неправильно «предками»), а настоящихъ дѣятелей. Всѣ убѣдились давно и теперь всѣ улыбаются претензіи на преимущества и почетъ ради предковъ, «спасшихъ Римъ». Всѣ знаютъ, что ежегодно набираемую въ войска массу людей, какъ бы разрѣзаютъ на тысячи равныхъ и одинаковаго качества (различаютъ лишь по физическому сложенію и грамотности) частей и этимъ пополняютъ $\frac{1}{3}$ арміи, т. е. матеріаль даютъ одинаковый, дальнѣйшее—зависитъ всецѣло отъ талантливости подготовки и совершенно не зависитъ отъ того, назывался ли полкъ однимъ именемъ двѣсти, сто или десять лѣтъ; не зависитъ и отъ того, что въ такомъ-то легіонѣ или въ такомъ-то стрѣлечкомъ полку, которыхъ услужливые историки дадутъ въ «предки» уже совершенно другимъ частямъ войскъ, несмотря на тысячи переформированій и измѣненій—служилъ такой-то предшественникъ—герой. Въ самомъ дѣлѣ, кто осмѣлится утверждать, что подвигъ Архипа Осипова болѣе свойственъ Тенгинскому полку, чѣмъ Закатальскому или чѣмъ «10-лѣтней гарнизѣ»? Или что «чудобогатырство»—болѣе свойственно Фанагорійскому-Суворовскому полку, чѣмъ любому другому въ нашей арміи? И наоборотъ, кто осмѣлится утверждать, что подвигъ исключительнаго самоотверженія—есть свойство того или другого номера полка, а не вообще русскаго народа?

Сколько средствъ, времени, силъ истрачено на «полковныя традиціи», «полковныя исторіи», сколько жертвъ общими армейскими интересами принесено имъ, но до сихъ поръ никто не захотѣлъ провѣрить результатовъ воспитанія «полковыми традиціями» и «полковыми исторіями» и убѣдиться, что это средство дѣйствительно, что благодаря полковымъ исторіямъ и традиціямъ, армія сможетъ сдѣлать то же, что она дѣлала прежде. Мало того, историки не хотятъ видѣть, что сколачиваніе полковъ въ удѣлы съ самостоятельной исторіей, традиціями, отличными отъ исторіи, традицій другихъ полковъ той же арміи—уже въ мирное время ведетъ къ тому, что армія не только не представляетъ собою солидарную корпорацію, сплоченныхъ, «спѣвшихся» между собою для борьбы

со «львомъ», хоть и «не самыхъ храбрыхъ» людей, а собраніе сознательно и умышленно чурающихся другъ-друга и пикирующихъ другъ съ другомъ частей...

До сихъ поръ мы не можемъ перешагнуть черезъ устарѣвшее повѣрье, что воюють и побѣждаютъ будто бы полками, а не арміями, и потому сплоченность, тѣсное согласіе, товарищество, полную солидарность считаютъ необходимою не для всей арміи, а только для каждаго полка, наивно вѣря, что солидарности достаточно для полковъ и что въ арміи, несмотря на мѣстничество и взаимное чванство, можетъ быть внутреннее согласіе и солидарность, взаимное довѣріе... Но какое можетъ быть взаимное довѣріе, когда только и слышишь: «развѣ мы... прочая, безнадежная армейщина?»

Вѣдь вотъ, за границей давно принята истина, что «четверо меньше храбрыхъ, но спѣвшихся между собою», увѣренныхъ въ своей солидарности, а слѣдовательно во взаимной поддержкѣ, «пойдутъ на льва, а четверо самыхъ храбрыхъ» (отборныхъ), но не спѣвшихся—не пойдутъ.

А у насъ наивно толкуютъ о необходимости обособленныхъ полковъ, которыми надѣются побѣждать спѣвшіяся арміи, «тѣмы»!

Какъ всегда бываетъ, Юпитеръ оказывается неправъ, когда гнѣвается, такъ неправъ, и даже пикантно неправъ, мой высокопочитаемый оппонентъ, когда увлекшись гнѣвомъ за проповѣдь необходимости полной ассимиляціи частей арміи, сталъ находить, «по крайней мѣрѣ... не логичнымъ» то, что не только логично, но даже общепринято, какъ, напримѣръ, выраженіе, что «преступленіе—допущеніе мысли, что русскіе полки могутъ быть *неодинаково надежны, не одинаково отборны*».

Но что же «по меньшей мѣрѣ не логичнаго» въ выраженіи: «во всѣхъ конюшняхъ г-на N лошади *одинаково отборны*»; «у него во всѣхъ закромахъ одинаково отборное зерно»; «поле засѣяно *одинаково-отборнымъ* зерномъ»; у него все одинаково отборное и т. д.

Повторю: тутъ нѣтъ ничего—«по крайней мѣрѣ не логичнаго» (особенно при желаніи понимать точку зрѣнія оппонента), а есть только простое недоразумѣніе, да и то не съ моей стороны, а со стороны моего оппонента, которому угодно было придать слову «отборный»—сверхсмѣтное значеніе чего-то, недопускающаго со-сѣдства со словомъ «одинаково».

Тутъ къ гнѣву прибавилось насиліе надъ понятіемъ «отборнаго». Вѣдь «отборное» не означаетъ исключительности по качеству или «выдѣленности», «особенности», какъ приказываетъ понимать мой оппонентъ, а просто—*отбираемое одинаковаго качества* изъ общей собранной массы чего-нибудь, а потому отборное зерно не значитъ выдѣленное какъ «особенное», а именно *одинаково* хорошее по своему качеству, гдѣ зерна *одинаково* полны; особенное же выдѣляющееся зерно можетъ оказаться и въ неотборномъ зернѣ.

Въ армію поступаютъ (отбираютъ) *одинаково отборные* люди (офицеры и нижніе чины), а потому не только не цѣлесообразно, но прямо-таки грѣшно изъ одинаково-отборнаго матеріала готовить не одинаково «отборныя» части войскъ. Вотъ моя мысль. *Мнѣ кажется аксіомой, что получая одинаковый матеріалъ, неразсчитливо умышленное приотвлечение «отборнаго» и... сноснаго.*

Утвержденіе же моего высокопочитаемаго оппонента, что «если всѣ полки, по желанію Дмитревскаго, станутъ одинаково отборными, то они станутъ только одинаково плохи, сѣры, безцвѣтны, ибо съ кого же имъ брать примѣръ того, какими *надо быть?*»... Я отказываюсь разбирать по невозможности представить себѣ, почему это одинаковый отборъ чего-либо, на примѣръ, лошадей, зерна и прочаго непремѣнно превращаетъ все въ одинаково плохое, сѣрое и безцвѣтное; тѣмъ болѣе, что отбирается только хорошее, а по заявленію моего оппонента даже особенное. Впрочемъ, можетъ быть я потому не могу себѣ этого представить, что у меня многое, какъ изволили замѣтить нѣсколько разъ мой оппонентъ, «не логично» или «по меньшей мѣрѣ не *логично*».

Еще больше я отказываюсь понимать до боли прискорбное, на смѣшливое отношеніе къ общенароднымъ традиціямъ, послѣ страстнаго заступничества за вымышленную фикцію—полковья традиціи.

Мой оппонентъ восклицаетъ: «И какія вообще у народа, у цѣлой арміи, могутъ быть военныя традиціи?»

Это одно ярко характеризуетъ нашу общеармейскую «традицію», никогда не разбираться и не задуматься надъ смысломъ, значеніемъ и умѣстностью чего-либо, а просто приказать, на примѣръ: «чтобы были полковья разнообразныя военныя традиціи, и баста! А чтобы общенародныхъ, общеармейскихъ, на зло всѣмъ ученымъ, на зло дѣйствительности, чтобы не было!»

Вотъ что у насъ въ арміи дѣйствительно традиціонное, дающее намъ особое лицо, сильно отличающее насъ отъ другихъ армій. «Не признаю холеры—и приказываю, чтобы ее не было...» «Не

признаю существованія традицій, что бы тамъ ни говорили ученые наблюдатели и изслѣдователи явленій души человѣка и жизни массъ...» «Этого ничего нѣтъ, это—*nihil*, потому что, по моему, этого не должно быть, мнѣ не нравится». И мы очень сердимся не только на простыхъ наблюдателей жизни, къ которымъ я причисляю себя, но и на ученыхъ, осмѣливающихся доказывать то, что будто бы существуетъ, но чего мы не хотимъ, а на войнѣ сердимся на всѣхъ и все за то, что... законы психологій, т.-е. то, чего мы не признаемъ, позволяютъ себѣ проявлять себя, несмотря на ихъ непризнание. Сердимся и на фактъ, что въ полку устанавливаются тѣ или другія общенародныя традиціи, приносимыя комплектуемымъ народомъ, но въ полку *не создаются* свои собственныя традиціи.

Французскіе профессора высшей военной школы зная, что «каждый начальникъ на своемъ мѣстѣ непременно психологъ» (ясно почему: чтобы умѣть использовать живой матеріалъ—войска, надо понимать душу воина и явленія жизни войскъ), говорятъ только о народныхъ или расовыхъ «традиціяхъ», но въ ихнихъ курсахъ психологій нѣтъ ничего не только о разнообразіи полковыхъ традицій, но и вообще о полковыхъ традиціяхъ. Такъ какъ, повторю, полкъ не создаетъ своихъ традицій, а выбираетъ и культивируетъ общенародныя.

Впрочемъ, при ихъ пониманіи существа традицій и точномъ, ясномъ опредѣленіи традицій, «не признаваніе» общенародныхъ традицій (онѣ же окажутся поэтому и общевойсковыми и полковыми) и распинаніе за сохраненіе полковыхъ традицій, притомъ для каждаго полка отдѣльныхъ, будто бы для него характерныхъ, отличительныхъ отъ другихъ, показалось бы въ высшей степени курьезнымъ, такъ какъ это, во-первыхъ, означало бы признаніемъ полковъ особыми расами, національностями, государствами въ арміи, а, во-вторыхъ, именно неумѣніемъ правильнаго представленія о традиціяхъ; неумѣніемъ ихъ опредѣлить, по дамски отдѣлываясь: «ахъ, традиціи это что-то такое, чего словами нельзя выразить, можно только чувствовать», и, въ-третьихъ, отстаиваніе традицій въ неприкосновенности—признается тормазомъ прогресса.

Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на слѣдующія выдержки о традиціяхъ ⁵⁾:

«Традиціи, это—идеи расы, ея потребности, ея чувства въ прошломъ, это—синтезъ расы, весь грузъ котораго тяготѣетъ надъ

⁵⁾ Гоше. «Очерки психологій войсковой части и командованія», перев. А. Бу-даевского.

нами ⁶⁾. Народъ, это организмъ, созданный прошлымъ и, какъ всякій организмъ, можетъ измѣняться лишь при посредствѣ медленныхъ наследственныхъ накопленій. *Безъ традицій нѣтъ національной души* ⁷⁾ (а мой оппонентъ пронизируетъ надъ обще-русскими традиціями и предлагаетъ національныя души полковъ) «и никакая цивилизація невозможна. Поэтому-то человекъ, какъ только сталъ существовать, всегда имѣлъ двѣ главныя заботы: создавать себѣ цѣлую сѣть традицій и по возможности *разрушать тѣ изъ нихъ, которыя перестали быть благотворными*. Безъ традицій нѣтъ цивилизаціи; если эти традиціи не разрушать, то не будетъ прогресса...»

«Уважать свои традиціи, это—одно изъ условій, необходимыхъ для существованія народа: *умѣть медленно избавляться отъ нихъ, это—одно изъ условій, обеспечивающихъ прогрессъ*»... Я подчеркиваю этотъ выводъ для сравненія съ мрачнымъ фанатизмомъ, не желающимъ даже признавать свои традиціи народа и отстаивающимъ то, отъ чего военная наука, все время прогрессирующая, явно отрешивается, а именно, отъ военныхъ, да еще полковыхъ традицій. Уму непостижимо, какъ находятъ возможнымъ: сохранить въ неприкосновенности полковыя боевыя военныя традиціи, т.-е. наследственную передачу примитивныхъ «военныхъ» идей, взглядовъ, способовъ дѣйствій и въ то же время не отставать отъ непрерывно прогрессирующихъ новыхъ идей, взглядовъ, способовъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ моихъ оппонентовъ назвалъ полковой традиціей какого-то полка—историческую уникаю этого полка—его наступленіе на врага сомкнутымъ строемъ, безъ выстрѣла; но какъ эта, будто бы традиція полка, сможетъ сохраниться въ неприкосновенности съ новой тактикой, съ новыми уставами, «отражающими», по выраженію военныхъ ученыхъ, «современную военную доктрину дашной арміи» и нынѣ осуждающими подобный способъ наступленія, какъ неразумный и не приносящій пользы.

Мои оппоненты одно забываютъ, что полкъ не *вырабатываетъ, не создаетъ* людей, а только *обрабатываютъ* или гранятъ въ извѣстную форму предоставляемые ему для этого драгоценный камень—душу война.

Но искусство граненія (обработки, воспитанія) очевидно зависитъ не отъ нумера или вывѣски (т.-е. полка) мастерской, а отъ

⁶⁾ Ле-Вони. «Психологія толпы».

⁷⁾ Курсивъ мой.

даннаго мастера—гранильщика или шлифовщика, т.-е. даннаго начальства или команднаго состава полка.

Вѣдь только наша страсть къ декорированію, къ театральности въ жизни позволила намъ воображать, что полки вырабатываютъ людей и снабжаютъ ихъ особыми наслѣдственными традиціями, вообще, что не родители (родина) даютъ душу будущему воину, а полкъ; причеиъ будто, наприиърь, у N-го полка—одна душа, а у «10-ти-лѣтней гарнизны»—другая. Будто бы приписываемыми тому или другому полку традиціями сохраняется навсегда достоинство полка?... И это, несмотря на извѣстную, даже ходячую истину, выраженную такъ французскимъ военнымъ психологомъ, Гоше: «Замѣчено, что во все время достоинства одной и той же войсковои части измѣнялись въ зависимости отъ того, кто былъ ея начальникомъ».

Этого одного довольно, чтобы сознать, что не отъ автономныхъ полковыхъ традицій и полковыхъ исторій зависитъ въ данное время достоинство полка. Не ими, значить, воспитываются полки.

Вѣдь совѣстно повторять, но вѣдь традиціи всасываются естественнымъ путемъ, такъ сказать, съ молокомъ матери и этимъ именемъ *нельзя называть разные оттѣнки въ исполненіи строго регламентированнаго порядка боевои и мирнои службы и внутренией жизни*, или то, «что принято» въ данномъ полку, такъ какъ то, что регламентировано, т.-е. вошло въ уставы или законы, очевидно перестало быть традиціей или обычаемъ, а именно, стало уставомъ или закономъ⁸⁾; хотя въ уставахъ и законахъ всегда можно замѣтить традиціи народа.

Если при этомъ принять во вниманіе, что традиціи могутъ относиться только къ нравственному элементу (духу), который онѣ и характеризуютъ, то положительно не будетъ возможности представить себѣ, что собственно надо понимать подъ военными или боевыми традиціями полка. Традиція — наслѣдственная, преемственная отъ поколѣнія къ поколѣнію передача характерныхъ для нравственнаго элемента даннаго народа или семьи принциповъ, причеиъ *«традиціоннымъ будетъ только то, что неизмѣнно повторяется въ дѣйствии каждымъ поколѣніемъ»*. Но если цѣлый рядъ поколѣній не дѣйствовалъ «традиціоннымъ» способомъ въ бояхъ, то такой способъ уже и не можетъ называться традиціоннымъ, а только *способомъ по преданію* или *историческииъ*.

⁸⁾ Я извиняюсь за поясненіе очевидности, но имѣю оправданіе въ томъ, что эта очевидность затуманена паюсомъ «полковыхъ традицій», которыхъ не хотятъ и фанатически не позволяютъ рассмотретьъ вблизи.

Поэтому полки, быстро мѣняющія поколѣнія, участвуя въ войнахъ не каждымъ своимъ поколѣніемъ, и въ каждой новой войнѣ воюя не традиціоннымъ дѣдовскимъ способомъ, а совершенно въ другомъ характерѣ, очевидно не имѣютъ уже ничего традиціоннаго въ боевомъ отношеніи и потому говорящіе о «военныхъ или боевыхъ полковыхъ традиціяхъ понимаютъ..., что-то именно «неуловимое» для пониманія и прочнаго опредѣленія.

Мы воюемъ и деремся, очевидно, не «традиціоннымъ» способомъ, а по послѣднему слову науки, а потому говорить о «военныхъ традиціяхъ» даже не современно.

Это только для эффекта театральныхъ историческихъ картинъ можно позволить вести бой традиціоннымъ, дѣдовскимъ способомъ, напримѣръ, «карэ» или движеніемъ «безъ выстрѣла, какъ на парадѣ», что однимъ изъ моихъ оппонентовъ и приписано одному изъ полковъ, какъ будто бы его традиція. Только для салоновъ и для парадовъ можно не считаться съ антагонизмомъ между непрерывнымъ прогрессированіемъ въ военномъ дѣлѣ и консерватизмомъ традицій, да еще разнообразныхъ полковыхъ... Для настоящаго же дѣла войны очевидно, что всякія дѣдовскія «боевыя» традиціи оказываются не только неумѣстными, но часто тормазомъ прогрессу.

Изъ этого очевидно, что традиціи умѣстны только въ той области дѣятельности человѣка, гдѣ эти традиціи, совпадая съ идеаломъ, не мѣшаютъ, не тормозятъ прогресса. Такъ, напр., въ области нравственнаго элемента (духа) могутъ быть и существуютъ на самомъ дѣлѣ традиціи, которыя совпадаютъ съ идеаломъ нравственнаго элемента, а именно: *традиціонная* въ русскомъ народѣ любовь къ своимъ царямъ (*ярко выражена эта традиція въ «Жизни за Царя»*). Затѣмъ—столь же отличительное традиціонное въ русскомъ народѣ—удальство и лихость; нѣкоторые полковые историки дѣла такого удальства и лихости возводили въ традиціи того или другого полка, но очевидно, что «традиціонными» эти подвиги удальства и лихости будутъ только для арміи, такъ какъ въ арміи они проявляются во всѣхъ поколѣніяхъ то въ одной, то въ другой ея части, то сразу въ нѣсколькихъ; но ни одинъ полкъ не смѣетъ сказать, что эти подвиги удальства и лихости—традиціонные въ полку, а не въ арміи. Затѣмъ—чисто русское традиціонное самоотверженіе и самопожертвованіе, отмѣченное иностранцами; это самопожертвованіе даетъ особенную силу и высоту или особый характеръ всему тому, что дѣлаетъ русскій: Сусанины, Архипы Осиповы, анонимы «Стерегущаго» и безчисленные имъ подобные под-

виги, не нарочито воспитанные въ полкахъ, а традиціонные народныя, поражаютъ своею высотой, тѣмъ болѣе скромностью и въ особеннрсти тѣмъ, что для русскаго народа эти подвиги представляются обыкновеннымъ исполненіемъ своего долга. Это же самопожертвованіе въ романической любви дало поводъ иностранцамъ говорить, что русскіе любятъ «съ надрывомъ». За то иностранцы же констатируютъ, что благодаря этому самопожертвованію, русскіе анархисты, напримѣръ—самые опасные изъ всѣхъ анархистовъ міра ⁹⁾).

Мой оппонентъ очень неосторожно заявляетъ: «И какія вообще у народа, у цѣлой арміи, могутъ быть военныя традиціи? Драться до послѣдней капли крови, умереть, но не отступить, сложить свои буйныя головы за царя за родину... еще что? Не попробуйти сказать какому-нибудь народу, любой другой націи, что это только русскія народныя традиціи, традиціи только русской арміи, отличающія ее отъ другихъ».... Прежде всего странно, что авторъ этихъ строкъ, не признаетъ разнообразія традицій между народами и арміями, но признаетъ ихъ между полками. Но не потому ли и начали стараться выдумывать маленькія полковыя традиціи, что не замѣчаютъ великихъ народныхъ!... А, вѣдь, чтобы увидѣть отличительныя народныя русскія традиціи, которыми умѣли пользоваться понявшіе ихъ полководцы, достаточно только сравнить историческіе факты. Почему нельзя попробовать сказать, что «Жизнь за Царя»—отличительная народная русская традиція; только среди русскихъ простолюдиновъ такой великій подвигъ могъ приниматься *за простое исполненіе долга всякимъ русскимъ*.

А развѣ нельзя попробовать сказать, что характерные для русскаго солдата поступки, подобные моментальному исполненію гренадеромъ Петра Великаго приказанія—броситься въ окно—только русскіе традиціонныя поступки?... Царь повелѣлъ и—никакихъ разсужденій, никакихъ проволочекъ! Вопросъ только: «въ какое окно прикажете?»... И Суворовъ, отлично изучившій народныя русскія традиціи, умѣло пользовался этимъ самымъ отношеніемъ къ царскому приказу: «рвы глубоки, стѣны высоки... насъ мало, а все-таки взять Измаилъ надо; Матушка-Императрица велить».

Затѣмъ, развѣ не различается чего-то чисто русскаго традиціоннаго въ томъ, какъ относится русскій воинъ къ предстоящему

⁹⁾ Я объ этомъ упоминаю только въ виду заявленія моего оппонента, что будто бы у русскаго народа нѣтъ традицій, отличающихъ его отъ другихъ народовъ.

бою? Сравните враждующія стороны во всѣхъ великихъ войнахъ. Русскій воинъ всегда серьезно, молитвенно готовится къ бою, точно такъ же, какъ онъ готовится къ смерти. Традиціонныя: надѣваніе чистаго бѣлья, молитва, священникъ съ крестомъ, благославляющій на «подвигъ добрый...» Великій Боже! Да развѣ было подобное отношеніе къ боевому подвигу у нашихъ противниковъ и не «симъ-ли мы побѣждали», не подобнымъ ли традиціоннымъ (Александръ Новскій, Дмитрій Донской и до послѣднихъ временъ) отношеніемъ къ смерти?

Эта традиція русскаго народа, это великое: «симъ побѣдиши» — мы теперь хотимъ замѣнить заимствованными у иностранцевъ: «Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ».... «Солнце Аустерлица»..., знаками отличія, добычей и прочими «дьявольскими, суетными соблазнами», неуживающимся въ душѣ русскаго воина съ важностью дѣла Царя и родины, а потому и дѣла правды, а потому — дѣла Божьяго. «Великъ Богъ земли Русской!»... *И велика традиціонная вѣра русскаго народа въ спасеніе своей грѣшной души положеніемъ живота своего «за други своя», за Царя своего на полъ брани* (въ этомъ совмѣщается и традиція — самопожертвованія).

Вотъ объясненіе величавой простоты и анонимности (какъ въ «Стерегущемъ») совершенія подвиговъ положенія живота своего за други своя. Вотъ почему въ русской арміи неупотребительны, почти смѣшны и простому русскому воину показались бы не только суетными, но даже кощунственными, какія-то тамъ: «Сорокъ вѣковъ»..., «Взошло солнце Аустерлица»..., «слава номера полка», «имя полка»... за которое будто бы готовы жертвовать жизнью, по увѣренію моего высокопочитаемаго оппонента, скорѣе, чѣмъ за болѣе высокое — «мы — русскіе, помилуй Богъ!» (Суворовъ).

Да и въ самомъ дѣлѣ: для мистически настроенной души русскаго народа — паоосъ и театральнѣйшій аффектъ рѣчей, въ особенности же навязываемыя ему корыстныя, суетныя цѣли, въ родѣ: полученія отличія, удовлетворенія личнаго или полковаго тщеславія, по сравненію съ цѣлью — спасенія души положеніемъ живота за други своя, конечно, будутъ казаться, по его образному выраженію, — актерскимъ ломаніемъ, такъ какъ для русской души ни «Сорокъ вѣковъ», ни «Солнце Аустерлица», ни тщеславныя частныя полковыя интересы не имѣютъ значенія перворазрядной дѣйствительности, а второстепенной, театральной, хотя и красивой бутафоріи. Русскому, напротивъ, необходимо удостовѣриться, что онъ

воюетъ и жертвуетъ жизнью не ради частныхъ тщеславныхъ интересовъ, а по повелѣнію Царя, «сердце котораго—въ рукахъ Божіей».

О чемъ же такъ думать и чего такъ хлопочутъ витии полковыхъ традицій и полковыхъ исторій, навязывая чуждыя русской душѣ чувства полкового шовинизма и воображая, что фетишами этого полкового шовинизма они съ успѣхомъ замѣняютъ, будто бы, еще недостаточный, или совсѣмъ не существующій *культъ родины*.

Пусть ясно и опредѣленно скажутъ мои оппоненты—какая у нихъ цѣль, чего они добиваются и чего надѣются достигнуть съ помощью полковыхъ традицій и исторій. Пусть скажутъ—почему они, требуя преклоненія передъ разнообразными традиціями полковъ, относятся пренебрежительно къ традиціямъ общенароднымъ (общегармейскимъ) и даже игнорируютъ ихъ («какія такія...»), или называютъ традиціей то, что «мы особенно хорошо деремся въ укрѣпленіяхъ»¹⁰⁾.

Если они этимъ добиваются достиженія въ *нѣкоторыхъ* полкахъ солидарности, взаимнаго довѣрія, единодушія, то почему имъ кажется, что солидарность, взаимное довѣріе, единодушіе—достаточноны только для полковъ и не обязательны для арміи, какъ это утверждаютъ всѣ военные авторитеты, считая аксіомой военной науки.

И почему, наконецъ, они не хотятъ замѣчать нежелательныхъ и пагубныхъ на войнѣ отношеній въ арміи между присвоившими себѣ званіе «отборныхъ» полками и прочими? Почему не хотятъ признать аксіомы, что *притязаніе на особую, собственную исторію, на особыя собственныя традиціи, воспитаніе есть стремленіе къ автономіи?* Почему закрываютъ глаза на возродившееся въ арміи *мѣстничество* между частями, родами войскъ? А вѣдь на урегулированіе мѣстничества или тому подобнаго старшинства или первенства, или главенства, истрачивается добрая половина того времени и тѣхъ трудовъ, которые тратятся на всѣ остальные вопросы военной службы....

Съ общегармейской точки зрѣнія—это мѣстничество между родами войскъ, между частями войскъ, было бы просто смѣшно,

¹⁰⁾ Это совершенно несправедливая тенденція: въ этомъ традиціоннаго нѣтъ ничего, что доказывается всей исторіей; напротивъ, скорѣй будетъ традиціоннымъ русскимъ желаніе «въ рукопашную»—штыковой бой, штурмъ; «Два дня мы были въ перестрѣлкѣ, что толку въ такой бездѣлкѣ—ворчали старики».... Именно, русскіе прославились штыковымъ боемъ и... движеніемъ, какъ на парадѣ подъ выстрѣлами развернутымъ строемъ съ музыкой и распуш. знаменами.

если бы... не было столь печально и не столь вредно для общаго единодушія, солидарности и взаимнаго довѣрія арміи. Вѣдь, какъ ни будутъ распинаться приверженцы полковыхъ традицій и полковыхъ исторій, но имъ не убѣдить здравомыслящаго, что якобы 10-лѣтняя гарнизона имѣетъ меньше правъ на наслѣдіе общей матери—арміи, а тѣмъ болѣе, что всѣ части арміи—однодневные близнецы и разница получается только благодаря раздачѣ именъ и номеровъ предшественниковъ.

Какое же разумное и справедливое основанія для претензій на отборность и привилегіи? Очевидно, никакихъ. Это — милость, даръ.... И дѣйствительно, никто не замѣтитъ разницы въ боевомъ отношеніи между любимъ настоящимъ «отборнымъ» полкомъ и... «10-лѣтней гарнизонъ»... если только наименовать ее «отборною» и поставить въ виду....

Закончимъ обзоромъ послѣдствій и результатовъ воспитанія арміи въ разнообразіи полковыхъ традицій, въ смыслѣ надежности самой арміи, т. е. посмотримъ—достигается ли конечная цѣль воспитанія арміи. Вѣдь нашъ традиціонный недостатокъ—забывать про конечную цѣль, не замѣчать слона.

Всѣ наши разговоры—о полкахъ, о частяхъ арміи. Всѣ наши заботы—о нихъ же; воюемъ также полками. Армія же—мы считаемъ—сама собою образуется...

Однако, образуется ли? Вѣдь ей мѣшаютъ образоваться именно тѣмъ, что соединенными усиліями всѣхъ стараются подготовить, спаять, сколотить полки, которыми только и интересуются, интересы которыхъ, даже въ ущербъ интересамъ арміи, отстаиваютъ. И этого мы достигли: у насъ имѣются автономные полки со своей исторіей, традиціей, есть стольные и провинціальныя удѣлы, но нѣтъ еще цѣльности понятія и чувства единой арміи.

«Надежна ли наша армія?» задаетъ вопросъ о французской арміи Арданъ-дю-Шикъ. «Пока еще нѣтъ. *Единодушіе*—это первѣйшая и наивысшая сила армій ¹¹⁾, правда, предписывается суровыми законами дисциплины въ помощь могучимъ страстямъ чловѣка; но предписывать—недостаточно...», отвѣчаетъ онъ.

Но единодушна ли и наша армія, когда у насъ не только нѣтъ суровыхъ законовъ объ «*единодушій*», когда мы не только миримся,

¹¹⁾ Курсивъ мой.

но даже проповѣдуемъ мѣстничество и раздѣленіе арміи на автономныя удѣлы — полки или какъ бы тамъ они не назывались.

Вѣдь ясно, что дальше своего идеала не пойдешь, и если мы считаемъ своимъ идеаломъ неодинаковое воспитаніе полковъ въ ихъ разнообразныхъ полковыхъ традиціяхъ и полковыхъ исторіяхъ, то, конечно, въ лучшемъ случаѣ, мы и получимъ единодушныя, солидарныя внутри себя полки и... разнообразіе полковыхъ традицій, автономныя полковыя исторіи, нѣсколько показныхъ, отборныхъ, привилегированныхъ полковъ, но никакъ не единодушную, сплоченную армію.

— «Эта ваша теорія» — гнѣвливо говорятъ мнѣ мои оппоненты — «вредна...» — и доказываютъ мнѣ, что нужны не «четверо менѣе храбрыхъ, хорошо спѣвшихся между собою, солидарныхъ, единодушныхъ, взаимно довѣряющихъ другъ другу, воспитанныхъ въ однихъ идеалахъ, въ однихъ традиціяхъ, не имѣющихъ повода къ чванству одного надъ другими или наоборотъ — зависти и недоброжелательнаго отношенія за чванство предками» — а будто нужны именно отличающіеся другъ отъ друга, если не по происхожденію — въ чемъ никого не увѣришь — то хоть по имени и связаннымъ съ этимъ именемъ — частными, узко-домашними — традиціямъ и исторіямъ....

Наши позиціи теперь выяснились: я проповѣдую — въ интересахъ единенія, солидарности, сплоченности всей русской арміи, какъ имѣющихъ общихъ предковъ, общія армейскія традиціи, идеалы, принципы; мои оппоненты — ратуютъ за автономію полковъ въ арміи и за незаслуженныя лично преимущества и привилегіи, собственно принадлежащія только арміи.

Чья теорія «вреднѣе» съ современной точки зрѣнія подготовки арміи, т. е. ея воспитанія — пусть рѣшатъ читатели.

А. Дмитревскій.

Р. С. Оппоненту угодно, чтобы я привелъ факты, доказывающіе... ну, хоть то, что эти полковыя традиціи.. «можно только почувствовать», а не выражать въ словахъ или дѣйствіяхъ».

Факты эти, думаю, извѣстны моему высокочтимому оппоненту не менѣе, чѣмъ всей арміи, не замѣтившей во время войны 1904 —

1905 гг. и затѣмъ въ смутное время 1905 года проявленія въ словахъ и дѣйствіяхъ «отборныхъ» частей войскъ традиціоннаго стремленія и вообще—проявленія вѣрности своимъ традиціямъ. А на счетъ «разнообразія» традицій—такъ развѣ хорошо, что части войскъ «разнообразно» отнеслись къ событіямъ 1904—1905 гг.?... А что касается фактовъ, то... прежде они были оглашены, но теперь видимо не подлежатъ оглашенію, такъ какъ редакціи ихъ не пропускаютъ.

Затѣмъ я не могу не обратить вниманія моего высокопочитаемаго оппонента на... «превышеніе власти»—по предъявленію ко мнѣ такого обвиненія и обращенія съ такими словами, для которыхъ нѣтъ ни основанія, ни повода. «И стыдно» заявляетъ мой оппонентъ, «для полемическихъ цѣлей, бросать незаслуженный упрекъ ни въ чемъ неповиннымъ людямъ—солдатамъ и офицерамъ...» (портъ-артурцамъ). Затѣмъ мой оппонентъ зачѣмъ-то говоритъ, какъ будто возражая мнѣ, что «крѣпость (Портъ-Артуръ) была сдана неприятелю *«не арміей, не всѣмъ гарнизономъ, а нѣсколькими лицами»*....

Это даетъ мнѣ право отвѣтить тѣмъ же: для полемическихъ цѣлей незаслуженно не ставьте своего оппонента въ крайне не-симпатичное положеніе обвинителя или хулителя арміи и доблестныхъ защитниковъ Портъ-Артура. А тѣмъ болѣе если у этого оппонента нѣтъ такихъ обвиненій или упрековъ даже косвенно. Въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующихъ моихъ словахъ: «Сдача Портъ-Артура, да и многое въ прошлую войну совершенно не подходитъ подъ русское традиціонное: «мертвые бо сраму не имуть...», «до послѣдней капли крови...». И это именно потому *что, заботясь объ искусственной прививкѣ полковыхъ традицій, мы не культивировали традицій всего русскаго народа, всей русской арміи...*»—даже при сугубой придирчивости нельзя найти, во-первыхъ, того, что будто крѣпость сдана арміей, всѣмъ гарнизономъ; а, во-вторыхъ, нельзя найти упрека доблестнымъ портъ-артурцамъ. Здѣсь если и можно найти упрекъ, то только не портъ-артурцамъ, а тѣмъ, кто заботясь объ искусственной прививкѣ полковыхъ традицій, не признаетъ, а потому и не оберегаетъ извѣстныхъ традицій всего народа, всей русской арміи. Но вообще въ своихъ излѣдованіяхъ и выступленіяхъ я не занимаюсь обвиненіями или упреками, какъ какъ не въ нихъ смыслъ.

Да и армію-ли, доблестный-ли гарнизонъ Портъ-Артура упрекать въ томъ, что въ полковыхъ традиціяхъ, въ которыхъ мы

воспитываемся, нѣтъ чисто-русскихъ традицій, придерживаясь которыхъ даже русскіе монастыри—не сдавались до «послѣдней капли крови». Армія не виновата въ томъ, что вопреки дѣдовскихъ традицій и даже регламента, допускаютъ мысль, что русскіе такъ же могутъ сдаваться, какъ и другіе народы....

Доказываетъ же мой оппонентъ, что всѣ народы равно доблестны («Но попробуйте сказать...») въ своихъ традиціяхъ, а вотъ полки... бываютъ отборные и... и не отборные.

А. Д.

